

эпический сказ о единоборстве человека с могучими стихиями и его трудной победе в этом единоборстве.

Еще одна особенность: романы Рамю сродни эпическим поэмам. Писатель до бесконечности варьирует возможности не собственно прямой речи, создает особый механизм для передачи напряженного течения коллективной мысли, прибегая к наплывам, затемнениям, сменам ракурсов и другим приемам, хорошо известным в кино. Иногда в действие вторгаются силы, на первый взгляд недоступные рациональному пониманию («Царство злого духа»). Но необъяснимое, сверхъестественное у Рамю — не тяга к оккультизму, а способ создания поэтической атмосферы, восстановления утраченных связей человека с природой, с Вселенной. Пытаясь избавиться своих героев от трагизма одиночества, он приобщал их к единству мира с помощью мифа.

Отголоски языческого мифа о поклонении солнцу слышны в романе «Если солнце не взойдет» (1937). Роман — настоящий гимн жизни, свету, надежде, негибамости человеческого духа, свободного от искусов стяжательства. В нем рассказано о том, как несколько жителей горной деревушки отправляются навстречу припопознившемуся солнцу, чтобы избавиться от страха односельчан, запуганных незадачливым колдуном, который «спутал себя с солнцем» и предсказал, что после его смерти светило больше не взойдет. Но солнце встает, и поднявшиеся выско в горы смельчаки ружейным салютом и звуками рожка приветствуют рождение нового дня.

Жизнелюбие трагического поэта было не эпизодом, а сквозной приметой творчества Рамю. Недаром, размышляя о судьбе пораженной нацистами Франции, он в грозном для всей Европы 1940 году написал пророчески светлые слова: «Я присутствую при схватке жизни со смертью и снова вижу, что жизнь сильнее смерти... Смерть давит сверху вниз, жизнь растет снизу вверх. Она прорастает сквозь смерть и в конце концов заглушает ее». В этих словах — и мироощущение художника-гуманиста, и его отношение к нацизму, который уподобляется смерти, и основы его эстетики, реалистической и жизнелюбивой по своей сути.

Из нейтральной Швейцарии, затаившейся в ожидании гитлеровской экспансии, Рамю внимательно следил за эпохальным противостоянием сил добра и зла, жизни и смерти, и его симпатии были ясны всем. Несколько ранее, в публицистической книге «Потребность величия» (1937), он писал: «Коммунизм противопоставляет сейчас христианской мифологии миф о Геркулесе... Христианство основано на отчаянии; коммунизм, который не что иное, как форма интегрального гуманизма, — на противоположности отчаяния, на вере. Гуманизм, зародившийся в Италии XV века, только теперь начинает всесторонне воплощаться в жизнь».

Разумеется, в книге встречаются и другие суждения, свидетельствующие об ограниченности мировоззрения писателя, но не они определяют пафос его творчества. Ку-

да важнее то, что реальное воплощение зыскуемого величия он связывал с социальной действительностью нашей страны.

Книга Рамю кончается печальным аккордом: он признается, что не знает, как достичь величия в маленькой стране, где великим мыслям тесно, где все «антиреволюционно». Это признание исполнено глубокого трагизма, ибо принадлежит писателю жизнелюбивому и бескомпромиссному, наделенному неутолимой жадой возвеличения человека. Но, как писал И. И. Анисимов, «творчество Рамю привлекает нас не только тем, что в нем достигнуты великие результаты, но и тем, что в нем не достигнуто, что в нем осталось неосуществленным, как бы завещанием».

В. СЕДЕЛЬНИК

*Издано
за рубежом*

ЧЕЛОВЕК В СОЮЗЕ С ЗЕЛеной ТРАВой

Jean Cayrol. L'homme dans le retrovi-
seur. Paris, Editions du Seuil, 1981. Un mot
d'auteur. Paris, Editions du Seuil, 1983. Poèmes
Clefs. Paris, Editions du Seuil, 1985.

Жан Кейроль. Человек в автозерка-
ле, 1981. Авторское слово, 1983. Стихи-
ключи, 1985.

Судьба Жана Кейроля сло-
жилась так, что ему дове-
лось стать свидетелем и участником важ-
нейших событий эпохи. «Счастлиное бур-
жуазное детство» на берегу моря в Бор-
до затем было омрачено первой мировой
войной; годы учения в университете на
факультетах филологии и права; вторая ми-
ровая война, служба во флоте в период
«странной войны», участие в Сопротивле-
нии, арест и Маутхаузен, наконец, Осво-
бождение. Писательская и редакторская
деятельность в крупном парижском изда-
тельстве «Сей», работа в кино и на ра-
дио...

Мориак первым отметил одаренного
юношу. Романтически приподнятая лирика
Кейроля 30-х годов уступила место нап-
ряженным и драматическим стихотворени-
ям военных лет, «написанным на стене»
одиночной камеры тюрьмы Френ и в ба-
раке смертников Маутхаузена.

Один из немногих «воскресших из мерт-
вых», Кейроль остался верен трагическому
опыту войны, во многом определяющему
его творчество. Высоко оценивая нравст-
венные уроки героизма и мужества, пре-
поданные участниками Сопротивления и

узниками концлагерей, Кейроль убежден: «человек более велик, чем то, что его убивает», «обыкновенный человек» — это и есть самое необыкновенное». Обратившись после войны к жанру романа, Кейроль попытался воплотить свое понимание судьбы человека в современном мире.

Один из его героев, 24-летний Арман, оказавшийся узником концлагеря, после возвращения не может обрести своего места в послевоенной действительности. Жизнь его и таких, как он, оплаченная самой дорогой ценой, оказывается, «весит не больше перышка» в глазах общества. Жизненный путь Армана — разочарование и нереализованные возможности.

С обостренной чуткостью Кейроль реагирует на все, что угнетает людей, мешая им «развиться», «расцвести», «сделать свой выбор». Удел современного человека, каким он предстает в романах Кейроля 50—60-х годов, — отчуждение, одиночество, невозможность быть хозяином своей судьбы, обрекающей его «претерпевать жизнь, не принимая ее причин и следствий». Фашистских лагерей смерти больше нет, но «дух Концентрационата» жив под масками эксплуатации, классового гнета, расизма, шовинизма, терроризма. «Концентрационную повседневность» капиталистического мира, явленную в программном эссе «Лазарь среди нас» (1950), писатель ощущает в фальшивом благополучии «карамельного мира». Искусственному миру механической цивилизации Кейроль — «еретик Святого потребления» — противопоставляет естественную жизнь на лоне природы, где «каждая травинка — росток правды». Так появляются одна за другой «История луга» (1969), «История пустыни» (1972), «История моря» (1973), «История леса» (1975), «История неба» (1979). Фантастика становится в «Историях...» ведущим элементом поэтики. «Человек — первое разумное растение земного сада, у которого есть все», его жизнь оказывается полна повседневных чудес. Природа играет роль гармонического начала, она восстанавливает то, что разрушает человек. Однако реальные проблемы и беды вторгаются в поэтическую утопию, разрушая ее. Вот Жерому («История леса») встречается в лесу любимый герой сказки Перро Рике-Хохолок. Что же он говорит Жерому? «Ничего больше не осталось; дурацкая бомба разбила печи, все мои помощники убиты. Здесь кладбище, а впереди следы пожара, обугленные ветки. Лес подожгли солдаты, а потом какие-то штатские. — Рике плакал, рука у него была забинтована. — Если бы ты знал, что такое человек, умирающий с голоду, я-то видел таких... Я отдал ему последний кусок хлеба».

В остросатирическом романе «Человек в автозеркале» (1981) Кейроль использует характерный прием коллажа, который можно было бы назвать «оптикой» автотуриста. Если раньше писатель, говоря словами Стендаля, проносил по дороге жизни зеркало, то теперь он сидит за рулем машины, его взгляд выхватывает лишь отдельные предметы из проносающегося мимо пейзажа. Повествование распадается на фрагменты, которые в восприятии читателя должны сложиться в целостную картину.

Герой романа, 30-летний Гаспар, незаметный и скромный помощник лавочника, живет уныло и однообразно. Автор относится с большой симпатией к «честному малому» и для того, чтобы скрасить его серые будни, предлагает Гаспару принять участие во многих забавных, а часто и опасных приключениях, которые затем будут описаны в книге: «И вот однажды, не знаю, что с нами случилось; и ему и мне не нравилась эта посредственная жизнь, нам хотелось уважения, непредвиденных событий, игры случая и даже риска». Гаспар попеременно становится Миллионером, Пророком, Ковбоем, оказывается в раю, на войне, занимается политикой, но конец каждой из эпох один и тот же — Гаспар спешит на работу, чтобы вовремя открыть двери хозяйской лавки. Фантастика, условность нужны писателю для того, чтобы коснуться возможностей, заложенных в его современнике. Вывод писателя оптимистичен: самый заурядный и незначительный с точки зрения общества человек, оказывается, наделен доброй и щедрой душой, способностью мечтать. Кейроль дорога в его герое способность сочувствовать ближнему, ощущать красоту природы. Как бы ни было ему трудно, он всегда заметит молодую крапиву у дороги, цепь снежных гор вдали. В «зеркале» романа Кейроля отразился сегодняшний Человек, достойный, по мнению автора, лучшей участи. Отразился и мир, в котором он живет, нарисованный яркими сатирическими красками.

Кейроль остается верен творческому кредо, сформулированному 40 лет назад: «Я за литературу милосердную, спасающую человека» («Лазарь среди нас»). В чем же спасение? В самом человеке, в гаспарах, ведь он, — «я, вы, ваше отражение... мой товарищ, мой больше чем брат, мой двойник...», в сохранении им человеческого достоинства и живой души, в противостоянии буржуазному миропорядку.

В повести-пародии «Авторское слово» (1983) явственно проступает второй, символический, план, ибо Жан Кейроль — художник, образы которого всегда обладают многозначностью, и книги его могут быть прочитаны как притчи. И тогда повесть Кейроля рассказывает уже не о злоключениях некоего Голо, а о вечной и всегда новой проблеме взаимоотношения Искусства и Жизни. Художник, признающий только власть воображения, равнодушный к окружающему миру, по мнению Кейроля, подобен ветру сирокко, рожденному пустыней и опаляющему своим горячим дыханием зелень жизни. Можно сколько угодно создавать «прекрасную, сверкающую пустыню, более градиозную, чем Калахари или Гоби», с оазисами и цветущими финиковыми пальмами, с миражами и животными, но даже 10 лет усилий не сделают ее подходящей для человека, всегда она останется враждебной, негостеприимной и, изнемогая от ее палящего зноя, человек будет мечтать о «дождичке в Турени» и глотке живой воды. «Пора покончить с пустыней, — думает Голо. — Пусть растет трава. И дети пляшут под дождем, истомившиеся от жажды лягушата». Нет ничего в искусстве драгоценнее жизни, ее

движения, полноты, многообразия, красоты и бесконечности. Как же ощутить жизнь во всей ее полноте, стать ее художником? Для этого, считает Кейроль, не обязательно «воспроизводить реальность с натуры», «утомляя» читателя банальными подробностями. Гораздо важнее уметь ясно и бегло передать впечатление от дуновения ветра, полета ласточек, синевы неба. Голо открывает окно и погружает лицо в мягкую ночь, под мелкий дождик. А из-под пера сами собой ложатся на бумагу поэтические строки: «Как прекрасно согласие природы и человека, умерившего в себе всякую жестокость!.. Луна как круглое желтое зерно, и вокруг нее прорастают неисчислимые звезды... Она стоит в дозоре... хрупкий символ, и де ал здесь еще гармония...»

Сборник «Стихи-ключи» (1985) открывается «Прологом», где Кейроль формулирует основные принципы своей поэзии. Поэт — дозорный, он все время «начеку». Он первым предупредит мир о грозящей опасности. Опасность же реально существует: это угроза ядерной, более того — космической, войны, которая, «обретя невесомость, поднимается в небо». Поэзия — «высшая защита человека» — путь к взаимопониманию между людьми и народами, «ведь иначе примирение наступит только в общей могиле». Кейроль настаивает на общественном призвании поэта — поэзия должна быть «нитью Ариадны». На страницах сборника оживают образы далекого детства, воспоминания о родном Бордо, об улице, на которой прошли его детство и юность. «Ключ» поэзии открывает двери воспоминаний о второй мировой войне и трех годах, проведенных поэтом в тюрьме и концентрационном лагере: «В своей памяти я всегда возвращаюсь к войне / она скалит зубы, ухмыляется...» Поэт вспоминает о «своей битве, она была негромкой, нам приходилось молчать, мучительно умирая», «нас убивали продуманно», «у нас было слабое сердце, но невозможно было исчерпать его сил». Кейроль убежден, что «нужно помнить о былых временах, чтобы понять настоящее». Человек страдавший, видевший много жестокости и зла, Кейроль не утратил сочувствия к человеку и удесятеренной ненавистью ненавидит насилие.

Призрак войны и сегодня главная опасность, о которой поэт-дозорный не устает напоминать миру, где «гранаты стали игрушками детей», «солнце потемнело, / и в воздухе стоит отвратительный запах фосфора и хлора». Стихи-«ключи» должны быть «смелы до безрассудства», а каждая строка — копьем, поражающим тех, кто «раздувает паруса ладьи Харона».

Миру насилия и угнетения Кейроль противопоставляет гармонию и красоту природы. «Необходимо вернуть мир тому, что составляет его прелесть,— говорит поэт.— Наше спасение в приходе лета, мы мечтаем о солнце, которое не кончалось бы». Кейроль убежден, что у современного человека есть все для счастья, ему в обладание дан прекрасный мир, и человек в союзе с зеленой травой должен его спасти.

М. АРИАС

В ЧАС ИСПЫТАНИЙ — С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Janke K. H. In einer Front. Junge Deutsche an der Seite der Sowjetunion im Grossen Vaterländischen Krieg. Berlin, Militärverlag, 1986.

Янке К. Х. В едином строю. Немецкая молодежь на стороне Советского Союза в Великой Отечественной войне. 1986.

III.

Манн, выступая по лондонскому радио в 1943 году, произнес в честь казненных членов организации «Белая роза» следующие слова: «Вы не должны умереть напрасно, не должны быть забыты. Нацисты поставили памятники мерзким хулиганам, подлым убийцам — немецкая революция, настоящая, сметет их и увековечит ваши имена...» Сказанное с полным правом может быть отнесено ко всем юным представителям Германии, боровшимся против гитлеровского режима в 1941—1945 годах. Рассказать о героической деятельности хотя бы некоторых из них — такова задача автора монографии. «В то время как основная масса немецкого народа, введенная в заблуждение Гитлером,— отмечает он во вступлении,— вела войну против Советской страны, находились патриоты, самоотверженно боровшиеся против фашизма».

В книге приводится ряд случаев перехода солдат вермахта на сторону Красной Армии уже в начальный период войны. Большая часть из них просто не хотела умирать ради сомнительных идеалов нацизма, но были и такие, кто видел долг в бескомпромиссной борьбе с агрессором.

Показательна биография добровольно сдавшегося в июле 1941 года Г. Кеслера. Оказавшись в лагере под Карагандой, он становится активным участником Национального комитета «Свободная Германия» и проводит огромную работу, готовя радиопередачи и листовки для немецких солдат. «Не умереть за Гитлера, но жить за Германию!» — этот призыв стал своеобразным девизом агитации, приобретающей все больший размах.

Типичен жизненный путь и другого перебежчика — ефрейтора Э. Кучеры. Накануне 22 июня под обстрелом он переплывает Неман. «Не стреляйте! Я коммунист!» — были первые слова, которые услышали пограничники. Он хотел предупредить наши части о готовящемся вторжении. В течение всех военных лет Э. Кучера действовал как разведчик в тылу противника.

В монографии рассказывается о совместных выступлениях советских военнопленных с немецкими антифашистами против нацистских властей, например, о замученной в Равенсбрюке Вере Снисаренко и бесстрашном подпольщике Бухенвальда Евгении Кирше.

Деятельное участие в борьбе с фашистами приняли также жившие в СССР эмигранты, члены ГКП. К ним примыкало и новое поколение: их выросшие здесь дети, равно как и бежавшие из Германии активисты